

Кислотный социализм, или Утопия возможности пересборки

Red Enlightenment: On Socialism, Science and Spirituality

GRAHAM JONES

London: Repeater, 2023. – 296 p.

Древнее речение сохраняет силу: они приходили, чтобы построить новый мир, хотели вдохнуть в ленивые тела жар, научить их новым законам, истребить наше влечение к какому-то иному совершенному миру. Они не были услужливо-приятными, как таланты; они были бесконечно одиноки и, с точки зрения любых конкретных целей, – обременительно-революционны.

Ханс Хенни Янн. *Алхимия современной драмы*

СИКВЕЛ, КОТОРОГО НЕ ОЖИДАЛИ

Андрей Гелианов
(р. 1987) – писатель,
исследователь культуры.

Прежде всего надо отметить, что этой книге крайне не повезло с названием. В ней нет ничего того, что средний читатель скорее всего представит, прочитав столь броский заголовок: ни просвещения для красных, ни просвещения под знаком красного, ни (как ни странно) примирения религии и социализма. Зато то, что в ней есть – при всех имеющихся недостатках, – гораздо интереснее и важнее всех этих языковых химер.

«Красное просвещение», безусловно, броское название, но оно вызывает какие-то совершенно не те ассоциации и, вероятно, заранее отсекает весьма значительную часть аудитории, которой было бы интересно эту книгу прочесть и которая действительно могла бы ею заинтересоваться. В таком случае как бы стоило назвать текст Джонса? Можно было бы выбрать что-то, более отвечающее его содержанию, например: «Как системно устроен сегодня мир за окном, и как мы можем сделать его лучше, улучшив свое понимание деталей устройства и взаимодействия этих систем». Длинновато, ближе к сути.

Уже исходя из места издания и общих предпосылок можно предположить, что «Red Enlightenment» должна быть хорошим компаньоном к работам Марка Фишера (сооснователя издательства «Repeater», упоминаемого в тексте не раз). По крайней мере так кажется до середины книги, когда подозре-

ние перерастает в уверенность: погодите, но это же *и есть* та самая работа, которую в итоге не написал Фишер, – отвечающая на вопрос «Что делать?», а не «Кто виноват [капитализм] и как именно он навредил нашей культуре и психике?».

В ходе прочтения первых пяти глав (всего в книге их восемь) «Red Enlightenment» остается устойчивое впечатление: да, перед нами как раз развернутая программа весьма смутно анонсированного Фишером перед смертью кислотного коммунизма – только под другим и не слишком удачным названием. Автор не просто предлагает нам свои мысли по поводу того, как было бы здорово примирить духовность и рабочий класс – нет-нет, это все была морковка перед ослом, – Джонс выстраивает на бумаге «мультидисциплинарную онтологию», в соответствии с которой предлагает переустроить мир.

Возможно, мы все представляли «Кислотный коммунизм» как-то по-другому – в конце концов, любая ненаписанная или утерянная книга лучше существующей и доступной, ведь она сделана из фантазии. Но, нет, «Red Enlightenment» – как кажется по ходу прочтения первой половины книги – вполне подходит. Может быть, и даже скорее всего, Фишер написал бы ее другими словами и с другими примерами. А в целом вполне то самое: никакой иронии, никаких шуток – только последовательная и всеохватная программа по выводу человечества из тупика, периодически перебиваемая довольно необязательными автофикшн-отрывками. Видимо, чтобы мы не забыли, что автор – живой человек, а не красный робот.

Фишеровская меланхолия в отношении к предмету, кстати, тоже практически отсутствует – что уже должно было бы навести на некоторые подозрения, учитывая весьма чувствительные проблемы, которые обсуждаются в тексте. Зато практически с первых глав присутствует абстрактный задор памфлета: даешь! мы должны! совершенно необходимо – и так далее. Это списываешь на общую болезнь роста дискурса и по ходу объясняешь себе в смягчающе-оправдывающем ключе. Вероятно, зря. Но об этом позднее.

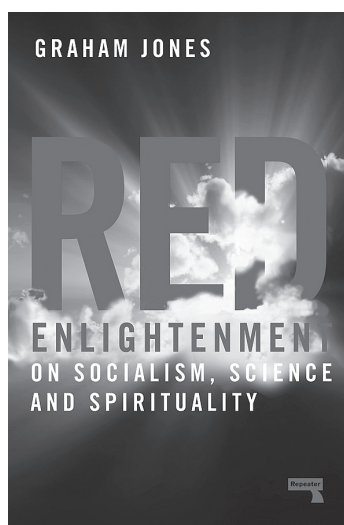
МЫ НАШ, МЫ НОВЫЙ МИР ПОСТРОИМ

Депрессивный визионер Фишер в финальном недописанном тексте¹ лишь намечил, хотя и ярко, проблему поиска альтернативы капиталистическому реализму² для мира, в котором *there is no alternative*, и еще более тонким пунктиром предпо-

1 Фишер М. *Кислотный коммунизм (недописанное предисловие)* // Неприкосновенный запас. 2020. № 6(134). С. 13–35.

2 FISHER M. *Capitalist Realism: Is There No Alternative?* London: Zero Books, 2009.

АНДРЕЙ ГЕЛИАНОВ
КИСЛОТНЫЙ СОЦИАЛИЗМ,
ИЛИ УТОПИЯ ВОЗМОЖНОСТИ
ПЕРЕСБОРКИ

ложил возможные пути ее решения. Даже не пути, а скорее те области, в которых стоит искать вдохновение – в частности, он апеллировал к 1960-м и тогдашним практикам пересборки сознания, как индивидуального, так и группового.

Джонс в «Red Enlightenment» уже сразу переходит к критике, разъясняя, что именно и как необходимо поменять в сознании трудящихся – и в обществе в целом (вспоминается «значит, надо превратиться, чтобы стало очень здорово» Егора Летова, и вспоминается не случайно). Более того, он сразу рвется к следующему этапу, пытаясь при этом решить несколько сопутствующих задач одновременно – пожалуй, бóльшая их часть принадлежит явно не к настоящему времени.

Надо сказать, этот амбициозный и весьма дерзкий подход поначалу действительно производит впечатление. Вероятно, его логично ожидать от относительно молодого автора – Джонс родился в 1985 году. Насколько озвученный при этом метод и, как неоднократно и настойчиво повторяет автор, «выстраиваемая им “мультишкалярная онтология”» последовательны, основательны и заслуживают внимания? Вполне – если действительно примерять эту линейку ко всем явлениям без догматических исключений.

Насколько обозначенные глобальные перемены реализуемы в принципе, а насколько являются просто утопией по типу Солнечного города (скорее в смысле книги Николая Носова про Незнайку, а не Кампанеллы)? Вот это уже тема для отдельного, серьезного разговора – который, несомненно, не приближит нас к реализации всей этой утопии, но поможет понять эту книгу.

Вернемся на время к основной теме, заявленной в начале автором и издателем, – социализму и *spirituality*, которую в него предлагается встроить/вернуть. Можно предположить, что при немного другом позиционировании «Red Enlightenment» могла бы стать весьма популярной книгой у молодого поколения, которое снова понемногу начинает открывать для себя необходимость в той самой «духовности» (насколько же русский аналог слова звучит уже сразу нагруженным ветхими и большими смыслами) – при этом не доверяя ни официальным религиозным институтам, ни инфобизнесу их *New Age* суррогатов.

Для молодых людей, особенно в XX и XXI веке, пропитанных информацией о множественных возможных моделях описания мира, совершенно нормально в какой-то момент почувствовать, что их – в сложившемся вокруг них конкретном социально-культурном тоннеле реальности (как говорили во времена публикации «Prometheus Rising»³ – окружает полная фальшь.

3 Non-fiction книга Роберта Антона Уилсона (WILSON R.A. *Prometheus Rising*. New Falcon, 1983) по мотивам его же диссертации 1979 года, которая посвящена проблеме восприятия реальности и расширения со-

Логичным следующим шагом будет попытаться найти «выход из матрицы» (как говорили во времена фильма «The Matrix» 25 лет назад).

Большинство таких искателей выхода, что тоже статистически нормально, довольствуются в итоге символическим бунтом – алкоголь, сигареты, протестная музыка и несерьезный образ жизни. Некоторые доходят до искусства и самовыражения в нем – а потом все это исчезает, и по мере старения человек становится нормальным членом общества. Сравнительно малая доля таких бунтующих молодых людей увлекается более буквальными способами «выхода из матрицы»: употребляют всяческие вещества, начинают практиковать разной степени опасности оккультные учения или вступают в прямой конфликт с законом, совершая преступления. Итог у всего этого обычно предсказуем.

А ведь – какая ирония! – никогда еще не было так легко, как в наши дни, увидеть структуру «матрицы» и довольно быстро понять, как из нее можно «выйти». Речь, разумеется, о капиталистическом реализме как несущей конструкции современного мира и том типе общественных, институциональных и культурных структур, которые он сформировал и поддерживает.

Сегодня буквально нет ничего более подрывного, чем поставить под сомнение сложившуюся экономическую модель мироустройства, презрев тэтчеровское заклинание «there is no alternative». Это самый легкий способ и увидеть корень большинства проблем, и снять груз с души – а также, в рамках неизбежной платы за зрение, стать изгоем и перестать получать удовольствие от чего бы то ни было (по крайней мере в плане мейнстримового искусства). Зато это открывает перед усомнившимся бесконечное пространство для переосмысления реальности и познания ее заново как пластичной.

Взявшись за свою книгу, Джонс, по-видимому, исходил из того, что Фишера уже все прочитали, продумали и приняли как неизбежность и необходимость переустройство существующего положения вещей (очень оптимистичное, увы, предположение). Он сразу идет дальше: каким образом нам следует заново провести координатные линии по контурным картам того, что у нас в голове; насколько эти карты вообще соответствуют некоей территории; что такое эта территория, если исходить из эмпирики и сделать поправку на то, что сами эмпирические данные могут складываться по-разному, в том числе из-за фильтров среды и класса?

АНДРЕЙ ГЕЛИАНОВ

КИСЛОТНЫЙ СОЦИАЛИЗМ,
ИЛИ УТОПИЯ ВОЗМОЖНОСТИ
ПЕРЕСБОРКИ

знания и развивает идеи Тимоти Лири про «восьмиконтурную модель психики». В «Прометее» впервые подробно разъясняется концепция «туннелей реальности».

ДЕКОНСТРУКЦИЯ ДУХОВНОСТИ

Формально в начале книги заявлено, что мы будем решать (или по крайней мере попытаемся глобально осмыслить) задачу ключевой важности, с которой, по-видимому, не справилось ни одно из существующих или существовавших социалистических государств и обществ. Задача такова: а как быть честному товарищу с его стремлением к духовности? В чем отличие этой ситуации от той, которая складывается при капитализме? По поводу последнего вопроса автор книги делает интересную ремарку, по сути, утверждая, что в сложившемся институциональном виде религия скорее разобщает трудящихся, чем объединяет:

«Религия сегодня постоянно обрамляется с точки зрения потребительской логики личного выбора, и это влияет на самовосприятие верующих и сообществ. Люди с большей вероятностью создадут социальные связи через работу, образование и хобби, которые выводят их за пределы сплоченных религиозных сообществ, а наличие [у людей в группе] различных мировоззрений только добавляет лишней уровень сложности и беспокойства, которого исторически не наблюдалось» (глава 2, абзац 5⁴).

А вообще – давайте со всей этой духовностью при капитализме и социализме разбираться, говорит Джонс. Только для начала уточним: что такое социализм, что такое капитализм и что такое духовность?

«Наше внимание коснется истории Вселенной, человечества, древней философии, будущего разума и попытки вообразить коммунистический горизонт. Мы пройдем через средневековые крестьянские войны, восстания рабов и киберсоциализм 1960-х. Мы призовем музыку, танец, искусство и сделаем обыденное ярким. И при этом мы всегда должны смотреть за пределы обыденности, в галлюцинаторное, за границу смерти, в глаза бесконечности» (вступление, абзац 12).

Когда автор анонсирует это, он не шутит: перечисленное будет действительно рассмотрено, и рассмотрено скрупулезно. Это интересное путешествие, которое длится пять глав. Нам объясняют, в частности, что не было единого Просвещения как такового, а был ряд конкурирующих, хотя и векторно однонаправленных дискурсов, причем некоторые из них вполне включали в себя наличие в картине мира Бога наряду с наукой (автор подчеркнуто выделяет Баруха Спинозу). Это, считает

⁴ В электронной версии «Red Enlightenment» страницы не пронумерованы, а их количество, заявленное издателем, не совпадает с бумажной версией книги. Во избежание путаницы здесь и далее указываются источники цитат в книге по принципу глава/абзац.

Джонс, показывает нам возможность принципиального совмещения «науки» и «духовности», а значит, и встраивания религиозных импульсов в социалистическую утопию.

О каких религиозных импульсах речь? Далее, и это не шутка, нам пересказывают, как устроены почти все мировые религии, с подробным разбором каждой из них. Автор сетует – почему-то со ссылкой на экономиста, нобелевского лауреата Амартию Сен, у которого он также, по-видимому, позаимствовал термин *empowerment* (в тексте в какой-то момент от него начинает рябить в глазах), – на отсутствие диалога и адекватного взаимопонимания между философией и религией Востока и Запада. Вместо этого, все обычно сводится (разумеется, со стороны так называемых «западных колонизаторов») либо к экзотизации, либо к примитивизации и отстраненному изучению без проникновения в суть. «Ориентализм» Эдварда Саида, кажется, напрямую не упоминается, но подразумевается как типичная модель критики подобного дискурса.

«Ни в одном из вышеперечисленных подходов другие системы мышления не рассматриваются по умолчанию как равные и, следовательно, не происходит взаимовыгодного взаимодействия» (глава 1, абзац 20), – констатирует с сожалением Джонс. Здесь возникает вопрос: как автор представляет себе подобный диалог, например, в философии, учитывая иногда колоссальную сложность рассматриваемых вопросов и того, как далеко могут увести языковые нюансы. Из возможных примеров такой (судя по всему, не имевшей место, а смоделированной) идеальной коммуникации можно вспомнить разве что хайдеггеровский фрагмент «Из разговора относительно языка между Японцем и Вопросающим»⁵. Напротив, из примеров анализа невозможности взаимного понимания (на примере различной логики формирования античной/христианской и исламской мысли) вспоминается «Логика смысла» Андрея Смирнова⁶.

Однако *сам вопрос* о каких-либо структурных и технических (а не только этических и колонизаторских) причинах взаимного непонимания разных культур и религий Джонсом не ставится. Все можно решить, если трудящиеся объединятся, перестанут думать неправильно и начнут думать правильно. В этот момент у читателя вновь может возникнуть ощущение, что с текстом что-то не так.

Этот пример взят из первой главы и развивается во второй, «Spirituality». Третья, «Science», посвящена разбору современного научного метода, объяснению того, что наука – это не

АНДРЕЙ ГЕЛИАНОВ

КИСЛОТНЫЙ СОЦИАЛИЗМ,
ИЛИ УТОПИЯ ВОЗМОЖНОСТИ
ПЕРЕСБОРКИ

⁵ На русском опубликован в: ХАЙДЕГГЕР М. *Время и бытие*. М.: Республика, 1993.

⁶ Смирнов А.В. *Логика смысла: теория и ее приложение к анализу классической арабской философии и культуры*. М.: ЯСК, 2001. Не путать с книгой того же автора: Он же. *Логика смысла как философия сознания. Приглашение к размышлению*. М.: ЯСК, 2021.

универсальный способ мировосприятия и не догма, а принцип экспериментального подтверждения и так далее. К этому моменту уже начинаешь немного уставать от настойчивого объяснения автором очевидных вещей, несмотря на то, что мысль Джонса понятна: провести ревизию всего, что мы считаем, что знаем, и определить, если мы такие умные в своем знании, почему же тогда мир устроен столь странно и несправедливо и как нам его поправить.

В этом есть рациональное зерно. Сегодня у очень многих есть высшее образование, нередко по гуманитарным специальностям, есть свободный доступ к «Википедии» – и вообще ко «всей сокровищнице человеческих знаний». Огромное количество людей склонны считать себя умными и образованными, но так ли это на самом деле? (Иначе – почему мы живем в капиталистическом реализме?) Образованность – это ужасная иллюзия, которую нужно разрушить.

Классовое невежество, безальтернативность капитализма идут от *необразованности* в широком смысле: отсутствия политической сознательности и общих знаний о мире, а не в узком смысле отсутствия диплома. Нужно повышать образованность нового типа – не институционального, который готовит специалистов, выгодных капитализму, а социалистического, который будет массово создавать людей эпохи Возрождения, ну, или Просвещения. Которые смогут, как в фильме «They Live»⁷, просто надеть очки своего знания и увидеть импульсы угнетения и ложные стимулы капитализма за красивыми фасадами слов и товаров.

Примерно понятно, что пытается сделать Джонс. Он следует логике Эйзенштейна, который планировал в конце 1920-х создать фильм «Капитал»⁸, используя формальные приемы Джеймса Джойса в «Улиссе», которые привели режиссера «Октября» в восторг. Марксистский импульс к деконструкции и пересборке Эйзенштейн модернистски воспринял как прорыв во вселенную монтажа, уникальную возможность увидеть действительность как поток, *fluxus*, складывающийся в реальном времени и в рамках причинно-следственных связей, формирующий историю и реальность, которая считается твердой и неизменной.

У Эйзенштейна фокус был прежде всего на экономическом процессе – а вот автора «Red Enlightenment» интересует буквально все: от искусства и религии до реформы образования и доступности спортзалов. Интересует, к сожалению, довольно поверхностно, чтобы не сказать цинично, исключительно на

7 Американский фантастический триллер Джона Карпентера 1988 года. Разгромлен критиками после выхода на экраны. Сегодня считается одним из ранних удачных примеров радикальной критики капитализма в массовой культуре.

8 См.: VOGMAN E. *Dance of Values: Sergei Eisenstein's Capital Project*. Zurich; Berlin: Diaphanes, 2019.

уровне системного взаимодействия и пользы для социалистической революции. Обращает на себя внимание, что ровно один раз в тексте упоминается Вальтер Беньямин:

«Павших героев прошлой борьбы призывают ориентировать нас на продолжающееся, долгосрочное повествование о борьбе, то, что Вальтер Беньямин называл “мессианским временем”» (глава 5, абзац 13 с конца).

Стоит восстановить полный контекст источника цитаты, а также напомнить, что данный тезис в итоге в трактат «О понятии истории» не вошел:

«Создав представление о бесклассовом обществе, Маркс секуляризовал представление о мессианском времени. И это было хорошо весьма. [...] Пустое и гомогенное время превратилось, так сказать, в прихожую, где можно было с большим или меньшим спокойствием ожидать наступления революционной ситуации. [...] В действительности же не существует момента, который не нес бы с собой своего революционного шанса»⁹.

НОВООБРАЗОВАНИЕ

Подлинное (то есть красное – в духе Маркса) просвещение понимается Джонсом, по-видимому, как предельная искренность «настоящего» образования – получения фактов системного знания о мироздании и обществе – в противовес образованию буржуазно-капиталистическому, которое в фактах избирательно, политически ангажированно, воспитывает, дисциплинарно подавляя, в итоге производит индивидов-специалистов, которые не в силах изменить ничего в большой картине Системы просто потому, что они не разбираются в ее аспектах за пределами своего станка (и неважно, что сегодня этот «станок» может быть языком программирования или сложной системой операций автоматизации).

Уничтожить дихотомию гуманитариев и технарей – это, возможно, самое революционное предложение со стороны Джонса. Вероятно, небогатые специалисты по прозе Джеймса Джойса или средневековой истории Уэльса воспримут это предложение на ура, но как быть с айтишниками, которые зарабатывают столько же, сколько руководители самых известных вузов, и могут, не моргнув глазом, потратить на что-то необязательное (развлечения и прочее) немалые суммы? Вероятно, они посмотрят на предложения Джонса с недоумением. Как социалистическое правительство прекрасного будущего поступит с этим

⁹ Беньямин В. *О понятии истории* // Художественный журнал. 1995. № 7 (<https://moscowartmagazine.com/issue/73/article/1551>).

АНДРЕЙ ГЕЛИАНОВ
КИСЛОТНЫЙ СОЦИАЛИЗМ,
ИЛИ УТОПИЯ ВОЗМОЖНОСТИ
ПЕРЕСБОРКИ

классом работников умственного труда – в книге ответа, к сожалению, нет.

Идеи автора «Red Enlightenment» про реформу образования выплескиваются за пределы одной главы и рассыпаны по всей книге. Иногда кажется, что он говорит все это в первую очередь сам себе:

«Всем этим [образовательным процессом], конечно, должны руководить политически сознательные преподаватели, организованные и встроенные в институты, которые подчеркивают социально-экономические аспекты науки (например не забывают о причинах климатического кризиса), развивают глобальное сознание посредством гуманитарных наук и коллективно-освободительных аспектов художественных практик» (глава 8, абзац 15).

Но откуда возьмутся вот такие преподаватели? Кто сформирует эту систему образования? На какие деньги? В чьих интересах? Как и кем это все будет воплощено?

Вместе с тем сложно спорить, что это все действительно необходимо. Может быть, дело в сопротивлении восприятия? В том, что Джонс фактически ретранслирует многие лозунги столетней давности (и уж точно почти шестидесятилетней, из мая 1968-го), не слишком заботясь их адаптацией для читателя XXI века? У ранних фонографических записей есть такое свойство: со временем с ними происходит что-то деструктивное, и через десятилетия на момент оцифровки записанные голоса звучат гораздо выше по тону, что делает, во-первых, все старые голоса похожими (Лев Толстой, Владимир Ленин, Алистер Кроули звучат, как братья), а во-вторых, придает им непреднамеренную комичность. Вероятно, аналогичным образом со временем культурное восприятие огрубляется и по отношению к идеалистическим лозунгам, программам и попыткам переустройства общества. Сегодня при чтении таких текстов нам *кажется*, что их авторы звучат как смешные фанатики, но – вообще говоря – нет ничего смешного в угнетении, оглуплении и порабощении людей капиталом.

Четвертая глава книги, «Socialism», очень хороша и, пожалуй, неплохо бы смотрелась в качестве отдельного памфлета. Пятая, «Metaphysics», лирическая и иногда доходит до чистой поэзии: «The perfect relationship ends. The nightmare relationship ends. The flame flickers, the clock strikes midnight, the party ends»¹⁰ (глава 5, абзац 9 с конца). Шестую и седьмую подробно разберем дальше, а восьмая, как в хорошем учебнике, суммирует пройденное и намечает пути практической реализации тезисов. Но это на первый взгляд. На самом деле в восьмой главе

10 Я оставил этот пассаж без перевода, чтобы показать фонетическую аллитерацию цитируемого текста, больше свойственную поэзии.

творится что-то совсем непонятное, что ставит под вопрос ценность всей книги в целом.

По ходу чтения мы узнаем ряд занимательных фактов. Например, что Маркс и Энгельс написали «Манифест Коммунистической партии» от имени Союза коммунистов – группы, которую они помогли сформировать в результате слияния с христианской коммунистической организацией «Союз справедливых», чьей заявленной целью – до объединения – было «установление Царства Божьего на Земле, основанного на идеалах любви к ближнему, равенства и справедливости» (глава 2, абзац 29). Вывод из этого, по мнению Джонса, таков, что в самих основах красного дискурса лежит незадействованный потенциал духовности. Или – что на Маркса и Энгельса значительное влияние оказало изучение общественных устоев американских индейцев-ирокезов. Вывод из этого: надо и сегодня использовать опыт замкнутых социальных и этнических групп в противостоянии Большой Системе капитализма. При чем Джонс, не приводя примеров, предлагает это каким-то образом объединять с современными электронными массмедиа.

В поздних коротких работах¹¹ Алена Бадью прослеживается мысль о том, что проблема современных левых – в потере контакта непосредственно с субстанцией, с материей, из-за чего они барахтаются в водовороте исключительно идеалистических понятий, по поводу которых можно спекулировать бесконечно. Вероятно, это можно сказать не только про левых, но и вообще про отравленное интернетом и соцсетями человечество в принципе – вот только у правых, традиционно декларирующих свою приверженность к дремучим и приземленным вещам, получается тогда довольно весомое (и неприятное) преимущество.

Так что чисто теоретически Джонс прав. В отсутствие массового просвещения по красному типу в новом мире левым будет все труднее вливаться в диалектику разворачивания материи / жизненного процесса и обнаружить себя в революционной ситуации (в ленинском смысле). Основная проблема состоит в том, что при выборе правой или левой стороны мы принимаем доктрины пакетами, вместе со всеми неоднозначными моментами, которые их отягощают, в надежде на последующее нахождение компромиссов, которые, однако, не находятся – и потом на доктринах висят мертвым грузом не вполне адекватные им идеи. Но вроде бы книга Джонса как раз посвящена разбору таких пакетов на составляющие их слои с целью

АНДРЕЙ ГЕЛИАНОВ

КИСЛОТНЫЙ СОЦИАЛИЗМ,
ИЛИ УТОПИЯ ВОЗМОЖНОСТИ
ПЕРЕСБОРКИ

11 См., например, стенограмму выступления 2006 года в Мельбурнском университете «Bodies, Languages Truths» (www.lacan.com/badbodies.htm) и статью: BADIOU A. *Capitalism, The Sole Culprit of the Destructive Exploitation of Nature* // Sensologic. 2018. December 12 (<https://cengizerdem.wordpress.com/2018/12/08/alain-badiou-capitalism-is-the-sole-culprit-of-the-destructive-exploitation-of-nature/>).

избавиться от того, что несущественно для основного дела. Или же не совсем?

ВОЗДУШНО-КНИЖНЫЕ ЗАМКИ

Поставим вопрос о значении «Red Enlightenment» прямо – как это любит делать на страницах книги сам автор. Так что же – перед нами новый «Капитал» или хотя бы новый «Капиталистический реализм»? Увы, нет.

Начнем с того, что самого автора в тексте по большей части нет. Он совершенно не чувствуется, он прячется за абстрактными лозунгами, и даже в историях об умирающем отце в автофикшн-вставках не ощущается ничего человеческого, они даны именно в качестве дидактических примеров. Более того, некоторые тезисы Джонса вызывают просто недоумение – неважно, в контексте или без него. Например, про образование:

«Нам [в прекрасном социалистическом будущем], конечно, необходимо будет сохранять критический взгляд при изучении таких [научных] работ, поскольку ученые, будучи, как правило, выходцами из среднего класса, могут невольно привнести в свою работу либеральные идеологические тенденции» (глава 3, абзац 24).

Родившемуся в СССР сразу мерещатся вполне определенные призраки с бдительными глазами и лагерная кружка академика Сергея Королева.

В пятой главе «Метафизика» автор-атеист сравнивает эксперимент, который предполагает религиозные переживания у строго секулярного человека, с сеансом видеоигры (*sic!*), якобы расширяющей возможности восприятия. Представляется, что все же это не то же самое – ни по последствиям, ни по самому опыту, – а просто неверное сравнение, вводящее в заблуждение.

Там же, в пятой главе, Джонс предлагает (глава 5, абзац 12) «холодно и рационально» использовать «естественные» религиозные импульсы для построения социализма. Хочется напомнить автору, что религии много тысяч лет, а марксизму нет еще и двухсот. Любая религия сама может «холодно и рационально» использовать что угодно, включая марксизм, для увеличения числа своих последователей. Снова налицо непонимание того, как устроена и функционирует область, которую Джонс собрался реформировать на планетарном уровне. Но и снова приходится признать, что сама по себе предлагаемая автором операция по извлечению из квадратного корня будней абстрактной «духовности», которая не соотносится ни с одной из религий, но при этом не впадает ни в пластиковый *New Age*,

ни в протофашистский пафос «традиционализма», довольно любопытна.

Дальше по тексту, впрочем, Джонс вообще отбрасывает даже такое умственно-схематичное понимание спиритуального, сводя все к практической возможности пойти вместе в разведку:

«Могу ли я вступить в товарищеские отношения или сотрудничать с кем-то, не зависит от того, верят ли они в сверхъестественное или нет; важно то, как их онтология влияет на их действия и как она могла бы повлиять на действия организаций и сообществ, если бы [эта онтология] распространилась» (глава 5, абзац 9).

А постсоветского человека могут весьма повеселить рассуждения британца о том, к каким последствиям может привести использование между людьми при общении слова «товарищ»:

«[Обращение “товарищ”] выводит за рамки сухого понятия политического сходства и пробуждает воплощенное чувство товарищества, как прямого отношения, так и воображаемого сообщества, наряду с воображением общего прошлого и будущего, необходимым для онтологической безопасности» (глава 4, абзац 2 с конца).

Что делать?

Перейдем теперь к самому главному: как эту солнечную утопию Джонс предлагает на практике реализовать. Это основное *know how* книги (потому что она действительно отвечает на вопрос «Что делать?») – и ее основная слабость (потому что это утопия).

Итак, автор «Red Enlightenment», по сути, утверждает следующее: чтобы переустроить общество и создать новый, лучший мир, нам, всем равнодушным людям, надо перестать смотреть на вещи упрощенно, проективно и эмоционально и начать на них смотреть комплексно, рационально, аналитически. Одним словом, просвещенно.

Мыслить так, как мы мыслили бы в утопии фишеровского кислотного коммунизма: всегда, при каждом действии и рассуждении принимать во внимание все огромное количество системных факторов, замещая этим (просвещающим) пониманием (замутняющие) проекции и ярлыки, которые обычно приклеиваются к ситуациям и личностям при акте восприятия и мышления в современном мире – мире, самом стремительном в истории человечества.

Все это вызывает в памяти диалог про смерть Портоса из фильма «Жить своей жизнью»¹². В этой сцене философ Брайс

12 «Жить своей жизнью» («Vivre sa vie», 1962) – четвертый полнометражный фильм Жан-Люка Годара, главную роль в котором сыграла его тогдашняя жена Анна Карина.

АНДРЕЙ ГЕЛИАНОВ

КИСЛОТНЫЙ СОЦИАЛИЗМ,
ИЛИ УТОПИЯ ВОЗМОЖНОСТИ
ПЕРЕСБОРКИ

Парен, играющий сам себя, перетолковывает описание гибели мушкетера в своеобразном ключе. В финале «Виконта де Бражелона»¹³ Портос погибает, придавленный обломками пещеры, в которую он заманил несколько десятков вражеских солдат и в которой взорвал бочку с порохом, но сам не сумел выбраться, пораженный внезапным параличом.

«British Medical Journal» считает, что Александр Дюма в этой сцене впервые в литературе описал симптомы «вертебро-базиллярной недостаточности» (оставим в стороне вопрос, насколько уместно ставить медицинский диагноз литературному персонажу 150-летней давности¹⁴). По мнению Парена/Годара, произошло следующее: Портос, человек действия, когда поджег фитиль и начал убегать, внезапно первый раз в жизни задумался о природе движения: как так возможно, чтобы сначала сделала шаг левая нога, а потом правая, а потом опять левая – и вот этот зыбучий песок Зенона его и парализовал, лишив шанса спастись.

Каким образом, спрашивается, человек, который и вправду проникнется идеями «Red Enlightenment», избежит этой ловушки? У нас остается нерешенной (если она вообще решаема) базовая проблема, из-за которой, собственно, все остальные и возникают. «Просто начните думать сложно, чтобы понимать мир лучше» – совет хорош, конечно. Но предположим, что люди – в частности, те, кого до сих принято называть *рабочим классом*, – потому и находятся в плену капиталистической системы, что думают по простым лекалам, а не свободно и мультискалярно анализируют реальность, как предлагает Грэм Джонс. Но они думают там просто оттого, что думать сложно – это сложно, особенно с привычки.

Эта мультискалярная онтология, которую кропотливо выстраивает Грэм Джонс, не может поселиться в сознании каждого наемного работника. Наверное, в какой-то идеальной утопической ситуации может – но тогда это будет совсем другой набор обстоятельств и их акторов, и остается неясным, как перепрыгнуть эту пропасть. Как каждую секунду видеть все причины и следствия в истории и Вселенной, все цепочки решений, которые привели к текущему моменту, осознавать каждый этап процесса, проекции, которые твое сознание накладывает на каждого произвольного индивида (еврей, иммигрант, либерал, пролетарий, интеллигент, левак, трампиист, обыватель, разрушитель конвенций)...

13 «Виконт де Бражелон, или Десять лет спустя» («Le Vicomte de Bragelonne ou Dix ans après», 1847–1850) – финальная часть трилогии Александра Дюма о Д'Артаньяне и трех мушкетерах. Из-за огромного объема роман издавался чаще всего в нескольких томах, описываемое событие происходит в последнем, «Железная маска».

14 RONNOV-JESSEN V. *The Death of Porthos, or The First Description of Vertebrobasilar Insufficiency in Fiction* // British Medical Journal. 1988. Vol. 297. P. 1685.

Людей нельзя *заставить* воспринимать жизнь таким образом. Это непреодолимый шаг. Об этом и должен быть самый главный ответ, который я хотел бы получить от книги Джонса, но его там не нашел – и не уверен, что его можно легко дать или дать вообще. Более того, исторически мы наблюдали как раз противоположное: народные массы хорошо реагируют на простые идеи, отлитые в идеально простые и понятные лозунги.

Тот уровень просвещения, которого требует для совершения всеобщей революции от простого человека Грэм Джонс, – это уровень уже не *просвещения*, а *просветления* Будды (благо по-английски они обозначаются одним словом *enlightenment*). Да, если каждый будет близок к Будде (или продвинутому буддийскому практику) по уровню своего видения мира как множества взаимодействующих механизмов разного масштаба и составности, тогда *a priori* строить социализм, наверное, будет значительно проще. Особенно, если увидеть конечное, подлинное состояние этого перенаселенного дхармами мира как Пустоту. Но как достичь такого уровня сознания?

Это главный вопрос, потому что проблемой являются даже не *образованность* в классическом смысле, а инерционные силы импульсов, желаний и страхов – буддийские *помрачения*, которые мешают постоянно видеть мир прозрачно и во всей его полноте. Это многотысячелетняя инерция восприятия, и неврологическая, и культурная. И как это решить? Заставить всю планету медитировать (по заветам Махариши и Дэвида Линча)? Запустить LSD в водопровод (абсурдная популярная страшилка 1966 года, которая живет до сих пор в качестве городской легенды)? Окультуривать трудящихся, знакомя их с сокровищами искусства? Я взял эти варианты не из головы: в какой-то момент Грэм Джонс рассматривает каждую из упомянутых сфер и тихо ускользает дальше, не давая внятного ответа на вопрос, как же именно предлагается повысить сознание трудящихся.

Как подразумевается из самого названия книги и ее первых глав, видимо, именно *spirituality* должна стать волшебным средством расширения возможностей действия и повышения уровня сознания, которые станут ключом к революции. Но такая серьезная и жизненно важная область попросту недостаточно аргументированно и обоснованно разбирается на страницах книги. Более того, после второй главы автор словно забывает про свой главный тезис и пускается – на протяжении 150 страниц – в общие рассуждения на тему, как переустроить общество. Когда в последней главе, спохватившись, он возвращается к теме *spirituality*, то запутывается окончательно, попутно увязая в попытке высказать (выкрикнуть?) еще несколько лозунгов, не привязанных вообще ни к чему.

МУЛЬТИСКАЛЯРНОЕ ИЗБИЕНИЕ

Присмотримся внимательнее к языку и логическому обиходу этой книги. Достаточно беглого взгляда, чтобы удостовериться, что Джонс обращается к убежденным левым – в основном к левым сетевым активистам, – используя хорошо знакомый и принятый в их кругах лексикон. Затрагивается, разумеется, постколониализм с обязательной перспективой отмены гегемонии Запада («Запад больше не является единственным действующим протагонистом, но только участником коллективного путешествия», глава 1, абзац 15 с конца), осуждается институциональный расизм со стороны белых. В последней главе Джонс внезапно вне всякого контекста выдает пространственный и довольно неодоغمатически-яростный монолог в защиту трансгендерных людей. В качестве аргумента приводится факт, что Джонс «работал LGBTQ-парикмахером и подружился со многими трансгендерными людьми, и теперь он чувствует себя обязанным подчеркнуть отвергнуть трансгендер-исключающие точки зрения» (глава 8, абзац 18).

Резко меняющийся по ходу повествования стиль (особенно ближе к концу книги), когда, к примеру, автор в одном абзаце переходит от нормативной стилистики ленинского манифеста к рассуждениям в духе «почему я так утверждаю в своей социальной сети, тред 1/75», тоже ухудшает впечатление от текста. Сложно серьезно воспринимать автора, который сначала в сотый раз использует мудреное выражение «мультишкалярная онтология», а затем тоном старшеклассника предлагает «сокрушить государство» и «избить фашиста» (глава 8, абзац 42).

В той же финальной главе Джонс грезит о студенческих городках при радикально реорганизованных университетах, которые превратились из структур власти в центры распространения подлинного, бесконечно широкого знания. Бесплатные социалистские спортзалы соседствуют с обществами расширения сознания, арт-галереями, пространствами гендерных экспериментов (что бы это ни значило) и прочими затеями, достойными апгрейд-версии носовского Солнечного города.

ТАК И ЧТО ЖЕ ДЕЛАТЬ?

Джонс говорит: чтобы революционные преобразования в обществе действительно состоялись, нужно поменять сразу все:

«[Этот проект] требует изменения сознания людей, создания новых организаций и трансформации старых, [...] перестройки наших городов, наших рабочих отношений, семьи и образования,

[...] альтернативы доминированию рынков и либеральному псевдодемократическому государству» (глава 6, абзац 3 с конца).

АНДРЕЙ ГЕЛИАНОВ

КИСЛОТНЫЙ СОЦИАЛИЗМ,
ИЛИ УТОПИЯ ВОЗМОЖНОСТИ
ПЕРЕСБОРКИ

Но как это сделать? Попыток ответить на этот очевидный вопрос в цитируемой книге нет. Джонс предстает скорее как пророк и визионер в духе Маркса (как он его понимает), и его, кажется, не особенно волнует практическое осуществление заведомо утопического проекта. С какого конца по отдельности за проблему ни взяться, прочие структуры, увязшие в капитализме, придавленные его огромной массой, не смогут участвовать в нарастающей цепочке изменений. Получается, нужно взяться со всех концов сразу? Но как это сделать? У Ленина сто лет назад получилось, но для этого понадобилась мировая война. Одна страница из Симоны Вейль о том же самом выглядит гораздо более убедительно, чем три сотни страниц призывов и распоряжений Джонса:

«Что на самом деле имеют в виду те, кому слово “капитализм” представляется синонимом абсолютного зла? [...] По-видимому, убивать и даже умирать самим проще, чем поставить перед собой несколько совсем простых вопросов, как например: образуют ли некую систему законы и условия, регулирующие в настоящее время экономическую жизнь? В какой мере является необходимой связь между тем или другим экономическим феноменом и остальными? До какой степени модификация одного или другого экономического закона отразится на остальных? В какой мере страдания, наносимые социальными отношениями нашей эпохи, зависят от тех или других условий нашей экономической жизни, а в какой – от совокупности всех этих условий?»

В какой мере являются они причинами других факторов – как факторов устойчивых, имеющих сохраниться после преобразования нашего экономического организма, так и факторов, которые могут быть уничтожены без слома того, что называют “системой”? Какие новые страдания – временные ли, постоянные ли – повлечет необходимым образом тот метод, что избирается для такого преобразования? Какие новые страдания рискует принести новая социальная организация, которую мы хотим установить?

Если мы серьезно изучим эти проблемы, тогда, может быть, у нас будет на уме кое-что, когда мы говорим, что капитализм – зло; но тогда уже и речь пойдет о капитализме как о зле только относительном и можно будет предлагать преобразование общественной системы только в видах перехода к меньшему злу. Кроме того, можно будет говорить лишь о преобразовании, строго определенном»¹⁵.

Симона Вейль поставила интересный мысленный эксперимент, как могло бы выглядеть социалистическое религиозное государство. Правда, она на бумаге строила все-таки христи-

15 Вейль С. *Статьи и письма 1934–1943 годов*. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2023. С. 36–38.

анство с элементами марксизма, а не марксизм с элементами христианства. Вайль рассуждала всерьез, достаточно вспомнить ее пассажи, посвященные тому, как могла бы выглядеть смертная казнь в таком государстве нового типа и как убедить, чтобы она всегда происходила по воле Господа. Мысль жутковатая, но важная для серьезного планирования дел такого уровня. Излишне говорить, что в своей книге Грэм Джонс ни к чему подобному даже близко не подошел. Его интересует другое: избежь фашиста, разрушь государство, бесплатные спортзалы и парикмахерские *товарищам* по онтологии.

Для кого эта книга? В начале ее чтения казалось, что для всех, – в финале, увы, наверное, почти ни для кого. Едва ли книга привлечет серьезных левых активистов и теоретиков. Не подойдет она и тем, кто находится в религиозном поиске. Может быть, «Red Enlightenment» будет кому-то интересна в общеобразовательном ключе? Но тогда лучше почитать специальные книги по каждой из затронутых в «Red Enlightenment» тем.

Как справедливо заметил Ален Бадью, все возможные вопросы по поводу *ситуации* давно поставлены, все ответы давно даны, остается только действие. Действие, чтобы выйти из капиталистического неолита.

Последние слова Портоса у Дюма:

- Портос! Портос! – кричал Арамис. – Портос, где ты? Ответь!
- Здесь, здесь! – шептал Портос угасающим голосом. – Терпение, друг, терпение!

Терпение – это то, что нам всем сейчас очень нужно. Похоже, что это надолго.